



Андрей Морозов

Ночные тени Петербурга

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Морозов

Ночные тени Петербурга

«Автор»

2026

Морозов А.

Ночные тени Петербурга / А. Морозов — «Автор», 2026

Ночной город хранит в себе множество тайн и неизвестные герои неустанно трудятся над сохранением его покоя, не осознавая, какую, по-настоящему, серьёзную борьбу они ведут. Но в миг возникновения фатального конфликта они открывают в себе невиданные способности противостояния злу.

© Морозов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Допустимое отклонение	5
Глава 2. Компенсация	9
Глава 3. Марина	11
Глава 4. Ночной кошмар	14
Глава 5. Ложный вызов	16
Глава 6. Полковник	18
Глава 7. Точечное уничтожение	20
Глава 8. Красные маки	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Морозов

Ночные тени Петербурга

Глава 1. Допустимое отклонение

Савелия передёргивало от слова «плановое».

В Петербурге оно звучало как неотвратимая данность наряду с его сыростью, ветром с Невы, и всепроникающей плесенью. Плановое -- это когда заранее известно, что непременно будет плохо, и этим оправдан любой исход. О «внеплановом» страшно и заикнуться, поскольку это синоним ужасной катастрофы.

Телефон, брошенный на пассажирское сиденье, завибрировал, когда Савелий вырулил с Лиговки в сторону старого фонда. В ночи старый город выглядел основательно и строго: мало людей и машин, много темных, высоких окон и влажных фасадов с благородной лепниной. Но, встречавшаяся повсюду уродливая реклама изрядно портила атмосферу величия, созданную в прошлых веках.

Вызов шел от диспетчерской.

-- Дежурный слушает, -- сказал Савелий, включив громкую связь. Пришлось напрячь голос, чтобы перекрыть рев старого больного мотора.

-- Савелий, тебе плановое на сорок минут, -- ответила девушка. -- Староневский, дом... момент... сто девятнадцать. Это дом Тырлова. Вводной щит. Замена группового автомата по внутреннему регламенту. Пара пустяков.

-- Плановое ночью? -- Савелий бросил взгляд на часы. Без пяти два.

-- У них «ночное окно», -- пояснила диспетчер. -- Договоренность, что днем нельзя. Магазины с кассами и терминалами. Офисы с компьютерами и серверами. Тебе не в первой.

Савелий поморщился. «Ночное окно» хоть и шло другим тарифом, но к аварийной работе отношения не имело, и могло отнять нужные руки в случае настоящей необходимости. Савелий не чурался работы и не надеялся дрыхнуть в ночную смену, но все эти пожелания барыг его порядком раздражали. Они постоянно разрастались, как плесень в ванной, которая, если не жечь ее хлоркой, расползется по всему дому.

-- Вводной щит, -- повторил он. -- Кто заказчик?

Возникла пауза, заполненная приглушенным звуком голосов сотрудников, скрипом дверей и треском принтера.

-- Управляйка «ЖКС-3», -- наконец сказала она. -- У них согласование есть, акт допуска есть, все нормально. Савелий, не задерживайся, у меня еще две аварии на Васильевском и один лифт встал, люди там как... ну ты понял.

-- Так какого черта мне туда?! Давай на лифт! -- Савелия бесила подобная избирательность, хотя он догадывался каким образом выстраиваются приоритеты.

-- Ай, брось! Хочешь, чтоб меня уволили? -- девушка почти плакала. -- Туда лифтовики уже мчат, вытасят.

-- А Васильевский? Варила слипшиеся пельмени когда-нибудь?

-- Два часа по регламенту! Умоляю! Успеешь. С меня... сам придумай!

-- Принял, -- сухо сказал Савелий и сбросил звонок.

В кабину пробрался ночной холод, и он включил печку на максимум. Но в старом «Соболе» она больше шумела, чем грела. Едва теплое дыхание рефлекторов предвещало близкую смерть системы отопления. От того в салоне не избывал запах мокрой ткани, резины и ржавого железа, что вполне соответствовало характеру неблагодарной работы, которая не собиралась ни кончаться, ни становиться благодарной. Зато она была честной.

Савелий работал в городской аварийной службе восьмой год. До этого была армия, потом стройка, потом короткая попытка «в нормальную жизнь», которая закончилось первым же месяцем в офисе: он не выдержал заключения в коробке белых стен и тупости людей, которые не знают, что такое «петля фаза-ноль» и почему из-за неё можно погибнуть, но знают, как нагадить коллегам, пробиваясь по карьерной лестнице.

В полях, или по-другому, на выездах, всего этого не было. Ток не врал и не притворялся, всегда выбирал кратчайший путь, хотя порой и прятался в неожиданных местах. Он мог либо быть, либо не быть. Либо быть там, где не должен. Мог оказаться врагом или другом, в зависимости от того, как к нему относятся.

Савелий, с давних пор, относился к току с уважением. Пренебрежение правилами техники безопасности оставило ему памятку в виде зигзагообразного шрама на руке и блуждающего пятна от ожога сетчатки вспышкой дугового разряда.

Дом на Староневском встретил Савелия мокрой темнотой, гулким эхом и презрительным намёком на то, что он здесь чужой, хоть и родился в этом городе.

Савелий припарковался у арки, достал из машины сумку с инструментом и пошёл во двор.

В тусклом свете единственного уцелевшего фонаря, ему пришлось прыгать через вечные лужи, настолько древние, что они могли быть свидетелями Гоголя и Некрасова, случайно прогуливавшихся здесь когда-то давно. Он прошёл мимо кузова старого, разбитого «Москвича», стоящего на кирпичах вместо колес и, ухмыльнувшись, задумался над дихотомией «Москва — Санкт-Петербург», где Питер -- кирпичи, фундамент, а убитое авто с гнилой сутью (колёс нет, а амбиции остались) – Москва. «Хотя, какая к чёрту дихотомия?» – отмахнулся Савелий сам от себя. «Два берега разных рек. Только один берег вдоль реки с баблом, а на другом, в ответ, издевательски поставили потерянную гордость и честь столицы на кирпичи».

В одном из окон, над магазинным этажом мерцал телевизор, в паре других, под ядовито-розовым светом, томила рассада. Жильцы давно уже спали, и с утра даже не заметили бы короткого отключения энергии. Разве только, понимая кивнув, переустановили сбросившееся время на микроволновке.

Дверь парадной была новая, из дешевой китайской «фольги» с бездушной порошковой покраской, вносящая уродливый диссонанс в классический дизайн фасада. В полустворке был врезан антивандальный домофон, как страж от непрошенных гостей.

Савелий набрал служебный код и магнитный замок ослабил хватку.

Внутри пахло влажным камнем и кошками. Над почтовыми ящиками неровно мерцала светодиодная лампа с выгоревшими наполовину сегментами.

У щитовой стоял мужчина в спецовке с логотипом «ЖКС». У него было круглое лицо с усталыми и растерянными глазами. Видно было, что он чувствует себя не в своей тарелке, и хочет побыстрее все закончить, чтобы пойти домой спать.

-- Вы электрик? -- спросил он.

-- Савелий. Аварийная служба, -- Савелий махнул удостоверением, словно считал это лишним, да и не нравилась ему своя фотография в нем.

-- Мы это... -- мужчина поправил воротник. -- У нас согласование. У нас жалобы, что автоматы выбивает, и... ну вы понимаете. Сейчас по регламенту всё сделаем, все будет хорошо.

Савелию не нравились все эти «хорошо». Электричество не читало Маяковского, и не имело понятий «хорошо» и «плохо» в списке своих императивов. Могло быть только правильно или неправильно.

-- Ключ, -- потребовал он.

Мужчина достал связку, долго выбирал нужный ключ, ругнулся вполголоса и, наконец, открыл металлическую дверь.

В щитовой было тесно и душно. Внутри располагались вводной и этажный щиты. Жгуты проводов, словно корни растений, уходили в стену. Ботинки Савелия прилипли к полу, как только он вошёл внутрь. Как будто здесь недавно пролили пиво.

Савелий открыл створку шкафа и подсветил себе фонарем. Его опытный глаз сразу заметил новый дешёвый автомат с подгоревшей фазой в ряду древних, еще советских выключателей.

«Похоже, майнеры жгут уже не первый автомат», -- подумал Савелий с раздражением, но тут заметил кое-что странное.

На корпусе автомата, под одной из клемм он увидел метку. Тонкую, почти незаметную черту, свернувшуюся в непонятный знак. Савелий провел по ней пальцем. Метка была четкой и рельефной. Точно не случайная царапина.

-- Это что? -- спросил он, не поворачивая головы.

-- Где? -- мужчина наклонился.

Савелий показал на метку.

-- Не знаю, -- быстро отозвался тот. -- Это подрядчик менял. У нас... у нас все по нормам. «По нормам.» Как же это знакомо. Пара слов, которые снимают любую вину.

Савелий открыл сумку, достал индикатор, проверил проблемную клемму. Напряжение было. Ток усердно грел контакт. Изоляция провода высохла и потрескалась, но винт закручен намертво, то есть соединение надежное.

-- Диспетчерская уточнила, что замена "по внутреннему регламенту", -- сказал Савелий. -- Что еще за регламент? Правила не нарушим?

Сотрудник управляйки замялся, но все же раскрыл серую папку с прозрачным карманом, где лежал лист с размашистой подписью перекрытой синей печатью.

Савелий аккуратно, двумя пальцами, потянул лист из папки.

Документ выглядел как обычная инструкция. В оглавлении стандартная шапка: «Порядок проведения переключений при выполнении работ на вводном распределительном устройстве...». Далее пункты, подпункты, ссылки на ГОСТ, на «Правила технической эксплуатации».

Завершал инструкцию, прописанный мелким шрифтом пункт, который говорил непонятно о чем: «Возможна компенсация баланса при восстановлении энергоснабжения, в пределах допустимого отклонения.»

Савелий перечитал еще раз, но яснее не стало. Слова были обычными, но что за ними скрывается он сообразить не мог. Савелий ухмыльнулся и съязвил про себя: «Написали бы ещё -- возможны осложнения в виде недовольства котлов, но не так, чтобы очень».

-- Компенсация баланса? -- спросил он.

-- Это... -- мужчина сглотнул. -- Это стандартная формулировка. Нам так дали. Это, наверное, про нагрузку, про... ну, чтобы не было скачков.

Савелий смотрел на пункт и внутри у него поднималось чувство холодной уверенности, что в этом нет ничего хорошего, и сильно смахивает на юридическую перестраховку, хотя он всё равно не позволит себе отклониться от правил.

-- Жильцы предупреждены? -- спросил он.

-- Да-да. Объявление висит. В домовом чате извещение от УК. Все как положено.

«Как положено» -- родные братцы слов «по нормам».

Савелий вышел в подъезд и поднялся на один пролет выше. Он любил прочувствовать ритм дома перед работой. Холодильники, лифты, древние стрекочущие кинескопы, шелкающие выключатели, чьи-то еле различимые шаги. Все это, особенно ночью, наполняло обстановку особой мистикой. Электричество -- это музыка, которую никто не слышит, пока она не затихнет.

Сейчас музыка была нервной. Или ему так показалось. На втором этаже открылась дверь, и из квартиры, выпустив вперед себя телевизионное мерцание, выглянул мужчина лет шести-

десяти. Худой, с лицом, которое можно было назвать умным, но больше уставшим от того, что его ум никому не требуется.

-- Вы... -- он посмотрел вниз, остановив взгляд на сумке с инструментами. -- Вы электрик?

-- Да, -- ответил Савелий.

-- Опять? -- спросил жилец. -- Сколько можно?

-- Плановое, -- пожал плечами Савелий.

Мужчина печально усмехнулся.

-- У нас тут все плановое. Сердце -- тоже плановое? -- он скривился от боли и прикоснулся к груди. -- Вы только... вы выключайте и включайте... как-то помягче. Не резко. У меня... ну.

Савелию раньше приходилось видеть таких людей, живущих с ощущением, что любая мелочь может стать для них последней. С ними надо было быть осторожней.

-- Я сделаю как надо, -- успокоил его Савелий. Он хотел добавить «не переживайте», но остановился, потому что люди после таких слов начинают переживать еще больше. Мужчина кивнул, осмотрел пролеты, и поспешно закрыл дверь, будто боялся, что кто-то еще увидит его страх.

Савелий вернулся к щитовой.

-- Начинаем, -- сказал он работнику УК.

-- Да-да, конечно, -- ответил тот поежившись, словно от холода.

Савелий включил налобный фонарь и отключил ввод.

Глава 2. Компенсация

Подъезд сразу преобразился. Темнота опустилась плотной, непроницаемой вуалью. Послышалось, как сверху скрипнула дверь, и кто-то ругнулся. Савелий подумал, что в темноте всегда больше человеческого, чем при свете. Все из-за неизбывного страха перед неизвестным и невидимым.

Он демонтировал китайскую дешевку и взамен поставил немца, предвкушая нагоняй от шефа за неоправданную расточительность, затянул винты и с силой подергал провода. Все было надежно, даже излишне для дома, который пережил девяностые и видел не одного «мастера на все руки». Он сделал все по правилам, не нарушив ни один пункт.

Когда пришло время включать обратно, Савелий задержал руку на автомате.

Ему не нравился пункт про «баланс». Ему не нравилась метка под клеммой. Ему не нравилось ночью выключать свет, от того, что днем страдают магазины.

Но включать все равно пришлось бы. «Да будет свет!» -- произнес он заезженное заклинание и поднял рычажок. Раздался резкий щелчок. Свет в подъезде загорелся, лампа над ящиками на короткий миг вспыхнула чуть ярче, чем обычно, и снова затрепыхалась. И, будто дождавшись этого момента, кто-то невидимый дернул нитку, которую до этого просто держал в руках. Савелий услышал резкий звук телефона где-то на верхних этажах и, сразу за ним, раздраженный женский голос:

-- Что значит «завтра не выходить»? Вы же обещали еще месяц!

Потом другой звук -- как будто упало и разбилось тяжелое стекло. И одновременно с ним пронзительный детский крик.

Савелий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Сотрудник управляйки заговорил громко и быстро, будто пытался заглушить реальность своим голосом:

-- Ну вот! Все, включилось. Все нормально. Видите, все нормально!

На втором этаже дверь открылась снова. Сердечник вышел на площадку, держась за стену.

-- Нельзя -- простонал он, глядя перед собой стеклянными глазами. -- Нельзя же так.

Он сделал шаг, согнулся и осел вдоль стены. Савелий рванул к нему. Сердце у мужчины билось быстро и неровно, словно лампа искрила на плохом контакте. Савелий уложил его на пол и крикнул:

-- Скорую! Быстро!

Управляйка сперва оцепенел, но потом поспешно полез в карман, выуживая дрожащими руками телефон. Савелий смотрел на лицо сердечника и думал: это не может совпасть так точно. Не должно быть, чтобы один свет вернулся, а другой погас.

Скорая приехала на удивление быстро, словно ждала наготове в соседнем переулке. Врачи работали молча, профессионально и через пять минут больного увезли. Переполюх разбудил весь подъезд. Люди с любопытством выглядывали из дверей, но выйти не решались, будто опасались чего-то, что может наброситься на них снаружи. Савелий вернулся в щитовую. Мужчина из УК говорил по телефону, оправдывался, повторял слова «все по нормативам». Савелий снова взял злосчастную инструкцию. Он перевернул лист. На обратной стороне была начерчена карандашом еле заметная таблица с поименованными столбцами. «Объект», «дата», «время», «отклонение», «компенсация». Все поля, кроме одного, были заполнены и соответствовали времени и точке, в которой он сейчас находился. Графа «компенсация» была кричаще пустая. Тут представитель управляйки неожиданно вскрикнул и, уставившись в пустоту, опустил руку с телефоном. В неровном свете лампы Савелий заметил, как в пустом поле появляется галочка, и понял, что случилось непоправимое.

«Он умер», -- услышал Савелий упавший голос, но уже не удивился и достал телефон, судорожно фотографируя лист, метку, щит, подъезд. На всякий случай, и чтобы не сойти с ума.

Когда он вышел на улицу, с неба мелко сыпал дождь и Савелий натянул на голову капюшон. Ночь была еще черной, но в ней уже проступала бледная петербургская серость -- предутренний свет, который обещал очередной, привычный пасмурный день. Савелий сел в машину, включил зажигание, но повременил заводить, потому что телефон коротко завибрировал. Пришло сообщение без имени и номера, похожее на служебное уведомление. Текст был такой:

«Отклонение зафиксировано. Баланс компенсирован. Попытка вмешательства увеличит ущерб. Не дури!»

Савелий смотрел на слова, и внутри у него поднималось что-то тихое и упрямое. Он подумал о мужчине с сердцем. О плаче ребенка. О женском голосе: «вы обещали!». Тем временем сообщение бесследно исчезло.

Савелий завел двигатель.

-- По регламенту, -- зло сказал он вслух. -- Понял.

Глава 3. Марина

Двигатель, хоть и не сильно остыл, но немного подтраивал и Савелий решил дать ему поработать на холостых, а сам тем временем набрал диспетчерскую.

Трубку взял уже другой диспетчер.

— Савелий? Ты по поводу Васильевского? Там отбой, можешь расслабиться.

— В смысле, отбой? Два вызова и оба ложные? – Савелию показалось, что от него скрывают что-то важное. Хотят выключить из какой-то непонятной игры.

— Да, забей! Знаешь, есть бабки, которые «скорую» вызывают, чтобы поболтать с врачами и пожаловаться на жизнь? Так вот, там тоже чудик один объявился, хулиганит почему зря. С разных номеров, причем. Продуманный, короче. Все, у меня линия! На связи!

Диспетчер сбросил звонок, а Савелий еще некоторое время смотрел на экран, пока тот не погас.

«Всякое бывает», -- успокаивал себя Савелий, -- «В городе полно сумасшедших». Чего только не случалось в его дежурства. Порой, после того как погаснет свет, у людей гаснет разум и мозг поддается панике. Клаустрофобия, паранойя, белая горячка и бог весть что еще. Савелий не силен был в медицинских терминах и называл подобные проявления человеческой психики простым и емким словом: «Дурблядьдом!».

Однажды, когда он подрабатывал на заказах в одном из ТСЖ, поступила заявка от набожной бабки. Савелия на пороге квартиры встретили ее безумные глаза. Старуха впустила его в прихожую, решительным жестом остановила на входном коврике и зловеще прошипела: «Смотри!»

Далее, она прошла в спальню, щелкнула выключателем и ткнула сухим пальцем в сторону люстры. Люстра мерцала, словно ей овладели злые духи. Бабка упала на колени и начала истово, с дикими завываниями, читать «Отче наш». Через пару минут люстра зажглась ровно, а к Савелию обратились уже светлые, одухотворенные очи бабули, изгнавшей молитвой демона.

Он опустил потолочный колпак люстры, под которым прятался древний, расшатанный клеммник и заменил его на современный. В старом выпал винт, крепивший фазу и контакт искрил, пока провод не приваривался к клемме в какой-нибудь микроточке. При выключении контакт остывал, мимо дома проходил трамвай, сварка ломалась и все вновь повторялось: мерцание, молитва, чудо.

Теперь свет горел ровно сразу и, казалось, проблема решена. Но... На следующий день ему позвонили из ТСЖ и сквозь смех поинтересовались: не может ли он вернуть все как было?

Выяснилось, что божий одуванчик накатала гневную жалобу, в которой Савелий выставился антихристом, лишившим ее веры. Теперь она никак не могла знать -- слышит ли Бог ее молитвы! Люстра не мерцает, и она в отчаянии, уверенная, что Господь ее оставил!

Был еще, совершенно невероятный случай, когда жилец пожаловался на странные звуки из розетки. Женщина недавно купила квартиру в старой хрущевке и каждую ночь слышала какие-то голоса на кухне. В хрущевках отверстия под розетки часто сквозные, но в соседней квартире давно никто не жил, поэтому списать ситуацию на других жильцов не получалось. Владелица обратилась в ФСБ, но там ожидаемо посмеялись. Тогда она напрягла управляющую компанию. Те обратились к Савелию, как внештатному сотруднику, поскольку свой электрик категорически отказался «проверять всякий бред», и, сославшись на чрезмерную занятость, посоветовал вызвать психиатра.

Савелий же, не столько по доброте души, сколько из чистого любопытства, заскочил после основной работы ознакомиться с аномалией. Хозяйка, вполне адекватная женщина, проводила его на кухню, где он сразу разобрал злосчастную розетку. За ней, хитро спрятанный

в глубине стены, обнаружился портативный коротковолновый радиоприемник, который включался по таймеру и еле слышно вещал переговоры случайных радиолюбителей.

По всему, женщина стала жертвой былых соседских войн. Враги разъехались, а оружие мелкой пакости осталось. Савелий долго отмахивался от благодарной хозяйки и, в качестве награды, забрал только приемник, как первый экспонат для своей коллекции вещей с необычной историей.

Но нынешнее происшествие он никак не мог оправдать чудачествами людей. Странное сообщение, которое требовало от него бездействия и преподнесенное как угроза, серьезно обеспокоило его. Савелий не мог оставить это просто так. Напротив, он воспринял это как вызов и теперь завелся, дав волю своей строптивости.

С другой стороны, Савелий не был склонен к разного рода мистификациям. Иногда, от скуки, или выполняя надуманный ритуал, он позволял себе напустить ауру таинственности на обычные, в общем-то, вещи. Эта была игра, идущая корнями из далекого детства, когда его фантазия безудержно бушевала. Но подобное баловство свойственно многим взрослым детям, если только их воображение окончательно не задавлено жизненными проблемами. Поэтому, он не мог принять всерьез вариант участия в событиях распоясавшихся темных сил, и решил прошупать ситуацию сугубо с материальной точки зрения.

Вернувшись после смены домой, он не завалился спать, как обычно это делал, а открыл ноутбук и кликнул новостной паблик. Савелий действовал по наитию, благо остатки детских фантазий подталкивали его пытливый ум к невероятным направлениям. Была и строгая логика: если где-то убыло, значит где-то прибыло. За пару часов он собрал ретроспективу значимых, по мнению журналистов событий в городе за последние полгода. Савелий создал таблицу с гиперссылками на статьи и отметил каждую датой.

Подсвеченные синим ссылки вели к выигранным арбитражам, заключенным контрактам, внезапным выздоровлениям значимых лиц, освобождением в зале суда и прочим событиям, играющим в пользу сильных мира сего.

Продолжая игру, Савелий сопоставил этим событиям график своих дежурств и не поверил своим глазам. Каждое отключение, которое он делал, строго билось с новостной лентой, с задержкой в день-два! Савелий судорожно захлопнул ноутбук, отъехал от стола на кресле и прижал ладони к лицу. Это не могло быть совпадением!

Перед глазами возник хватающийся за стену сердечник. Савелий снова вошел в сеть и прошел по адресу городской скорой. Статистика была очень общей и для его целей требовался официальный запрос.

«Марина!» -- вспыхнуло в голове у Савелия и в следующий момент он уже искал ее в списке контактов.

Было время, когда он угощал эту девушку вином в каком-то рок-н-рольном баре, доказывая, что Пушкин был очарован Байроном, и что Эрик Сати неподражаем. Марина прихлопнула его великим Дебюсси и тем, что поздний Пушкин вымел иронию Байрона более близким русскому народу состраданием.

Это было чудесное время, не омраченное сексом. Савелий с удовольствием купался в интеллекте собеседницы и искренне не понимал, что она делает на станции районной скорой помощи.

Их знакомство произошло в Крестовском парке, где Савелий налаживал схему одного из аттракционов.

Он сидел возле электрошита, проверяя соединения, и вдруг, со стороны «Вальсирующих чашек» на него выскочила девица, едва сдерживающая свой желудок. Он протянул ей минералку и она, после пары глотков, наконец, выплеснула все лишнее, что портило ее самочувствие. Такого красного, сторающего от стыда лица Савелий раньше никогда не встречал. Как и обнаружившегося впоследствии кругозора и интеллекта.

Савелий никак не мог предположить, что у него может случиться женщина-друг. Но это произошло и, главное, странным образом устраивало их обоих.

— Да, Савва. Что случилось? – Марина словно почувствовала недоброе.

— Мариш, нужна твоя помощь! -- Савелий понимал, что его просьба могла доставить ей неприятности, но дело было серьезное.

— Не томи, Сав, я вся твоя. – Марина игриво придерживалась намека на интимные отношения, хотя близость у них была совсем в другом.

— Мар, мне нужна статистика по вызовам скорой во время моих дежурств. Если там великая тайна, то забудь. Не хочу подводить тебя под монастырь. Если не сложно, то глянь файл в почте.

— А что случилось? Очередной всемирный заговор? Кстати, тут Газманов будет прыгать в «Октябрьском». Не хочешь поугорать?

— Мар, в другой раз, извини. Мне очень важно, потом расскажу!

На другом конце линии повисла пауза. Марина была здравомыслящим человеком, не склонным к авантюрам, но и Савелий раньше никогда не обращался к ней с подобными просьбами.

— Хорошо, Савелий. Я гляну. Но никаких имен и данных о бригадах. Только примерное время и причина вызова. Закон о защите персональных данных и врачебная этика, понимаешь же.

— Огромное спасибо! Жду! А когда Газманов?

Марина прыснула в трубку:

— Купился, что-ли? Олег слишком молод для меня. Ты же знаешь, что я млею от романтиков начала двадцатого века. Ладно, пока. Но с тебя рассказ, не вздумай отвертеться!

Попроставшись, Савелий, не раздеваясь, плюхнулся на диван, и уснул под тревожный поток мыслей.

Глава 4. Ночной кошмар

Савелий вошел в здание по адресу улица Гаккелевская, 21, корпус 2, под вывеску с голубым баскетбольным мячом, и надписью: «РОССЕТИ Ленэнерго». В холле он сразу направился к стойке администратора, за которой, уткнувшись в смартфон, скучал мужчина средних лет. Завидев посетителя, тот поспешно спрятал гаджет, и весь обратился во внимание.

-- Добрый день! Чем могу быть полезен?

-- Ты? Ничем. – Савелий беспричинно грубил, но не мог сдержаться. – Мне нужен главный инженер. Для начала. А там уже посмотрим!

Улыбка слетела с губ сотрудника, лицо скривилось, а глаза налились злобой.

-- Тебе же сказали – не дури! Неужели непонятно, Савелий! Не дур-р-и! Кар-р-р!

Савелий проснулся и рывком сел. Сквозь щель в шторах пробивался серый день. Ворона царапала подоконник снаружи и раздраженно каркала. Некоторое время он отходил от кошмара, потом встал и поплелся на кухню. Сварил кофе и открыл ноутбук, чтобы проверить почту.

Марина не подвела и прислала статистику вызовов. Савелий пробежался по строчкам. Инфаркты, инсульты, выкидыши, суицид, пьяная поножовщина... И все это в небогатых районах. Возможно, богачи в таких случаях пользовались платными услугами, но, в данной статистике, вызовов из престижных домов было исчезающе мало.

Савелий открыл свою таблицу и начал сопоставлять с ней полученную от Марины информацию.

Чем дальше он углублялся в данные, тем слабее в его голове звучало слово «совпадение», и когда он закончил, то сомнений не осталось. Для наглядности Савелий построил графики, и они были похожи друг на друга, как близнецы. Каждая беда и несчастье одной стороны тащила на себе триумф и благополучие другой. И стороны эти делились уровнем богатства.

«Люди, употреблявшие в пищу огурцы, все умерли» -- Савелий не мог смириться с очевидным и искал разные, пусть и дурацкие, объяснения обнаруженному феномену. «Даже если это так, если корреляция верна, то может она обусловлена совсем другими, неучтенными факторами!»

Мысли Савелия метались как сумасшедшие.

«Взять тот же дом Тырлова, где произошла трагедия. Он, конечно, ветхий внутри, но квартиры в нем не дешевые. И в этом может быть причина. Люди там с советских времен. Умирает собственник, метры освобождаются. Но каким образом можно было так воздействовать. Нет, слишком сложно. Или просто, но я не в курсе. Чем можно вызвать сердечный спазм на расстоянии? Инфранизкие частоты, радиация... нет, не то. Электромагнитный импульс? Им можно нарушить работу кардиостимулятора, а он был? Хотя, это уже ближе. Но там еще женщина с увольнением и напуганный ребенок. Или их не учитывать? Блин, я же не знаю, что еще происходило в других местах, кроме вызова скорой!»

Вопросы, вопросы, вопросы! Если бы не это «Не дури!» и проявляющиеся надписи, он забыл о происшествии на следующий день, списав тревогу на усталость и свою общую склонность к фантазиям. Но тут его прямо ткнули лицом в иную реальность. Для чего? Кто-то боится его действий или, наоборот, издевается над его бессилием?

Савелий задумался о своей жизни. Одинокий мужчина, тридцати трех лет. Неженатый и бездетный. Христос в его возрасте уже спас людей, а он не мог спасти даже себя, и часто ощущал бессмысленность существования. Каждый новый день был похож на прошедший, начинался и заканчивался, не неся с собой внятных перспектив. Да, он дарил людям свет, но искусственный, не настоящий, и сталкивался чаще с недовольством, чем с благодарностью. Он считал себя честным и трудолюбивым, но мир не ценил эти качества в достаточной мере,

и, напротив, выталкивал наверх лживых и беспринципных стяжателей. В целом, он понимал на чем основывается несправедливость, но никаких реальных способов изменить действительность не видел. Теперь, когда Савелий вновь ощутил свою беспомощность, у него буквально опустились руки. Он сидел, свесив ладони между колен, и уставившись невидящим взором в экран ноутбука.

Зазвонил телефон, и Савелий непроизвольно вздрогнул.

Это была Марина.

-- Савва, ты еще живой? Мне нужны твои мозги! -- Савелий иногда не мог сразу понять, шутит она или говорит серьезно.

-- Марин, мне плохо. Я жалкий, тупой неудачник!

-- Жалкий, тупой неудачник не способен на подобный анализ! Твой файл... Короче, я лечу к тебе. Ты дома?

-- Да, но ненадолго выйду. Мне нужна водка.

-- Оставайся на месте, я уже купила, буду через тридцать минут. Прошу, дождись меня!

Савелий грустно усмехнулся. Почему они не вместе? Можно сколько угодно подменять влечение высокими отношениями, но, встречая Марину, он часто ловил себя на мысли, что готов раствориться в ее объятиях. Что мешало ему сделать шаг навстречу? Может то, что он и вправду жалкий, тупой неудачник?

У него было полчаса и бардак, свойственный любому холостяцкому жилищу. Грязная посуда полетела в раковину под струю горячей воды; разбросанная по углам одежда отправилась в стиралку; белье с кровати перекочевало в корзину, и было заменено другим, ни разу неиспользованным, с красными «голографическими» маками. Пылесос метался по квартире, будто за ним гнались, а окна были распахнуты во всю ширь, впуская свежий воздух.

Марина позвонила в домофон, когда Савелий, закончив экспресс-уборку, с удовлетворением оглядывал чистую, как редко бывало, квартиру. Он впустил ее в подъезд и открыл дверь, ожидая, пока она поднимется к нему на этаж. Марина вошла в квартиру, неся с собой цветочный аромат, и, скептически оглядевшись, улыбнулась.

-- Смотрю, готовился к свиданию, милый друг, а явилась я!

Она вручила Савелию брякающий стеклом пакет, и скинула туфли.

Глава 5. Ложный вызов

Марина стукнула стопкой об стол и уткнулась носом в рукав блузки, шумно втягивая воздух.

-- Ложный! – выдохнула она. -- Ты понимаешь что-нибудь?

По ее словам, вчерашний сердечник не поступал ни в одну больницу, а сам вызов квалифицировали как ложный. Бригада прибыла на дом Тарлова через двадцать минут после вызова, но в квартире (дверь была открыта) никого не оказалось. Вызвали полицию, они опечатали дверь и поручили участковому наблюдение.

-- А теперь, слушай внимательно! Утром, как ни в чем не бывало, заявляется хозяин квартиры (тот самый сердечник) и интересуется у участкового что, собственно, происходит? Личность установлена, здоров как бык, и просто любит гулять по ночному городу!

-- А соседи? А я? Сотрудник управляющей компании, в конце концов? – Савелий с трудом укладывал в голове всю эту фантазмагорию. – И, вообще, откуда тебе все это известно?

-- Мою фамилию помнишь? – Марина иронично скривила губы.

-- Ну, Иванова, и что?

-- Это самая еврейская фамилия в Советском Союзе. Без иронии. Помнишь песенку: «еврей, еврей, кругом одни еврей!»

-- Мариш, ну я в этом смысле ровный абсолютно, хоть негры!

-- Короче, участковый тоже Иванов. Перед тобой я зашла в участок тамошний, перекинулись парой слов. И вот, что интересного он сообщил. ЖКС-3 никаких заявок не делала и сотрудников не посылала. Соседи слышали что-то, но ничего конкретного сказать не могут. К тебе придут завтра, но только для завершения формальностей. Состав преступления нет, и полиция не будет возиться. Если, конечно, не полезешь со своей версией. С тобой все нормально?

У Савелия побелели пальцы и началась икота. Содрогаясь всем телом, он прильнул к горлышку бутылки и сделал крупный глоток.

-- Мариш, ты мне не веришь? У меня фотки есть! – Савелий открыл на смартфоне галерею и начал ее листать. Потом остановился и горько застонал.

-- Богом клянусь, были! А сейчас пусто, как корова языком... -- он быстро глянул на Марину. -- Ты же не думаешь? Или...

-- Что ты свихнулся? Нет, дорогой. Иначе с тобой уже доктора бы общались. Ты, конечно, с причудами, но, поверь, меня тебе не переплюнуть.

Савелий облегченно вздохнул, но все же остался настороже. Психа, обычно, всегда стараются убедить в нормальности.

-- И что теперь? – Савелию надо было убедиться, что нет никакого подвоха и поэтому он задал такой вопрос.

-- Сам как думаешь?

Он усмехнулся про себя: «Как это по-еврейски! Вопросом на вопрос. Иванова, такая Иванова.» Но, в то же время, он успокоился и, главное, прошла икота.

-- Сходим в дом Тарлова?

-- Умничка! Я в тебе ни капли не сомневалась. Только не сегодня, вестибулярка сбоит, а там ступеньки высокие.

И правда, пространство вокруг плыло границами и было стабильно только в районе стола за которым они сидели. Возникла пауза, и в этот момент Савелий осознал, что зачарованно смотрит на свою подругу. Он не мог отвести глаз: такая она была красивая и ладная. Его отчаянно тянуло к ней и казалось, что только она может спасти его от происходящего.

-- Марин, -- Савелий не мог больше удерживать своих чувств. – Я давно хотел сказать тебе одну вещь...

Она встала со стула, решительно уселась к нему на колени, положила руки на его плечи и нежно спросила:

-- Слушаю!

-- Я... я... -- язык Савелия с трудом ворочался во рту.

-- Да, да, конечно да! Ты такой дурашка! Сколько можно было меня мучить?

Она обхватила ладонями его голову и прижала к своей груди.

-- Слышишь мое сердце? Оно давно тоскует, но ты или не замечал, или такой жестокий.

-- Я глупец, раз не понимал этого, прости!

-- Скажу тебе кое-что, -- тихо сказала она ему на ухо, -- в квартире у того сердечника необычно висят зеркала. Одно на двери, другое напротив, на другом конце коридора. Если ты заходишь и закрываешь дверь, то оказываешься между двух зеркал. И видишь себя в бесконечном коридоре. В рекурсии.

-- Зачем ты сейчас об этом говоришь? – Савелий ощущал только её тело – тёплое и живое. Единственная реальность, за которую он держался.

-- Сав, все у нас будет, только не торопись... Знаешь, как устроен лазер? Это тоже два зеркала, между которыми мечется свет, усиливая сам себя!

Он смотрел на родинку у ее виска, на тень от ресниц, на линию дрожащих губ и не понимал, к чему она отвлекается на все эти вещи. А Марина перешла на шепот:

-- И сколько времени этот свет будет переотражаться, если не дать ему выхода?

Но Савелий уже не слушал, увлекая Марину на белую кровать с голографическими маками.

Глава 6. Полковник

Савелий не спал почти всю ночь. Во-первых, он выспался днем, а, главное, не хотел беспокоить Марину, тихо посапывающую на его плече. Рука онемела, но он боялся пошевелиться. В душе попеременно прокатывались волны тревоги и нежности. Сердце то страстно трепетало, то вдруг проваливалось в пустоту от внезапно проскочившей мысли о недавних событиях. Под утро он все-таки погрузился в полусон, но вскоре очнулся от того, что его руку атаковали толпы «муравьев».

Марины рядом не оказалось, и Савелий поначалу встревожился, но уже через секунду улыбнулся. С кухни тянуло свежесваренным кофе и слышалось бряцанье посуды.

Савелий встал, сунул ноги в тапки и, как есть голышом, тихонько прокрался на кухню. Поддавшись ребяческому порыву, он хотел появиться внезапно и напугать Марину.

Но, вместо этого, у него самого подкосились колени от неожиданности!

Возле плиты, разливая по чашкам кофе, стоял крепкий седой мужчина.

-- Ты кто такой и что здесь делаешь?! Где, блядь, Марина?! – Савелий готов был кинуться на незнакомца и даже забыл, что был в чем мать родила.

Седой вздрогнул, но, увидев голого Савелия в одних тапках, поперхнулся от смеха.

-- Отставить, боец! – зычно скомандовал он. – Обращение не по Уставу! Перед тобой полковник Иванов! Моя дочь в безопасности, а я пришел в гости! Ответы получил? А теперь прикрой свой срам, позоришься тут.

У Савелия челюсть отвалилась, но он все же взял себя в руки и, сдернув с крючка кухонный фартук, поспешно напялил его на себя.

С минуту они настороженно смотрели друг на друга, словно ковбои перед перестрелкой. Наконец, полковник взял чашки, поставил их на стол и пододвинул одну ближе к Савелию. Затем он сел на стул, который вчера занимала Марина, и жестом пригласил Савелия сесть напротив.

-- Прошу прощения за вторжение, -- сухо извинился седой. -- Надеюсь, поймешь позже, но ситуация опасная, поэтому без церемоний. Владимир Владимирович, -- полковник протянул ладонь для знакомства.

Савелий непроизвольно пожал руку:

-- Савелий... просто Савелий.

-- Ну вот и ладненько, -- Владимир Владимирович отхлебнул из чашки и закашлялся. Потом он достал из кармана пачку «Герцеговины Флор» и бросил: -- Закурю? -- что совсем не было похоже на просьбу.

Савелий поставил перед ним пепельницу, не переставая тревожно разглядывать гостя.

-- Много вопросов, понимаю, -- нахмурился полковник, крепко затянувшись папиросой.

-- Меня ваши амурные дела не интересуют. Марина взрослая девочка, а мы не пуритане. А вот то, что ты растревожил осиное гнездо... Короче, слушай сюда.

-- Постойте, -- Савелий решил придержать коней. -- Мне тут жулики порой названивают и все, как один, майоры и полковники, а уж родственники, попавшие в беду...

-- М-да, времена конечно наступили, мама не горюй, -- гость крякнул, достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение и развернул его перед Савелием.

-- Полковник КГБ? – Савелий чуть не впал в истерику от смеха. -- Не, дядя, давай до свиданья. До такого развода я, если бы и захотел, то не додумался.

-- Бабы перед тобой пусть ноги разводят! – гневно крикнул полковник, вскочив со стула и угрожающе нависнув над Савелием. -- А меня ты будешь слушать, разинув рот! Бывших полковников КГБ не бывает, Савелий Игнатович, девяносто третьего года рождения, уроженец Санкт-Петербурга, Кировский район...

Дальше Савелий слышал про себя все, включая то, что и сам уже забыл. Полковник не упустил даже наличие родимого пятна на заднице.

Некоторое время он сидел ошарашенный, приходя к выводу, что с ним не шутят.

-- А как вы узнали про родимое пятно, -- растерянно спросил Савелий, после того как полковник замолк.

-- Так ты сам передо мной задницей крутил, пока фартук напяливал! -- полковник покраснел, сдерживая смех. -- Ладно, хорош уже, я тебе помочь хочу! Извини, если был груб. Нынче все умные шибко!

Глава 7. Точечное уничтожение

Полковник закурил следующую папиросу.

-- Ты плохо себе представляешь, что такое война. Твое детство захватило чеченские конфликты, но вряд ли ты осознавал жестокость происходящего в том возрасте. Великая Отечественная, наверняка, воспринималась как боевик, несмотря на жуткую реалистичность советских фильмов. Вообще, весь бардак девяностых был густо смазан принижением подвига нашего народа в той беспощадной бойне. Но, речь не об этом. В семидесятые, наши органы осознали неприемлемость прямых столкновений между народами, как катастрофическую для всех участников. Возможность применения ядерного оружия лишало стороны любого преимущества. Технического, экономического или количественного. Один из сделанных выводов из этого – необходимость точечного уничтожения элит. Но так, чтобы комар носа не подточил. Разработки велись в строжайшем секрете и энергосистемы в них играли первостепенную роль, как проводники воздействий. Розетка в доме премьера любой европейской страны ничем не отличается от розетки простого шахтера или водителя-дальнобойщика. Только, когда началось это позорное братанье с западными шакалами, все свернули. Но, не забыли. И теперь проявляется в извращенной форме, поскольку технология попала в грязные руки.

Савелий внимательно слушал полковника, и тот казался ему убедительным, но, поселившаяся в нем подозрительность, мешала принимать его речи за чистую монету.

-- Секретная секретность, значит, -- осторожно позволил он себе сарказм. – А ядерные кнопки тогда не раздавали? Ну, во время братания?

Владимир Владимирович нервно раздавил папиросу в пепельнице.

-- Тебя бы ко мне в лейтенанты! Дотошный, черт! Далеко пошел бы, и Маринка пристроена была. Но это все вода. Сук в нашем ведомстве хватало, но кнопки на полу не валялись, а вот всякие официально не принятые в окончательную разработку идеи... Их под сукно немало замели. Бюрократия, мать ее. Думаешь, воздействие 5G-вышек -- это фантазии маразматиков? Мы всем занимаемся.

-- КГБ? Я еще в планах не значился, когда его упразднили.

-- И что? Если переименовать, скажем, мясорубку в рубомяску, что изменится?

-- Хотя бы корочки ваши. Нет?

-- Официально я в отставке, мне новые корочки не положены. Остальное не твоего ума дело, -- взгляд полковника сверкнул сталью.

Савелий с облегчением выдохнул:

-- Ну не моего, так не моего. Что вам от меня то надо?

Владимир Владимирович подошел к окну и открыл форточку настежь. Скопившийся под потолком дым вихрь устремился наружу. Полковник присел на подоконник, оперившись о него руками. Его взгляд стал по отечески добрым, а голос смягчился.

-- Я хочу, чтобы ты поверил мне, сынок. Иначе, расшибешь лоб и Маринку погубишь. Она у меня, край как не приемлет несправедливость, и бараном поперет ее исправлять! А тут еще ты. Два сапога пара, мать вашу!

-- Я, пожалуй, переоденусь, если позволите. – Савелию нужна была пауза, чтобы обдумать ситуацию.

-- Валяй, -- махнул рукой полковник и достал следующую папиросу.

Савелий ушел в спальню и начал собирать одежду, разбросанную повсюду в порыве недавней страсти. Одеваясь, он лихорадочно соображал.

«Первое – где Марина? Без нее никаких больше разговоров! А ей можно верить? И, вообще, все, что говорил полковник (точно полковник?) какой-то околонуточный бред. Но я и не ученый, может и не бред. Как проверить? Квантовая физика все перевернула... блин, причем

тут это? А реплика про 5G? Хорошо хоть без шапочек из фольги, ну это уж совсем смешно было бы. Я же не debil, и он это понимает. Кашпировского еще вспомни! Президент говорил про оружие на новых физических принципах. Какие еще новые? Все известны давно, но он и не физик. Или это завуалированное послание врагам? Опять конспирология, я же не верю в это. Но глазам-то своим верю! Проявляющиеся надписи, что это? Фокус для меня? Зачем? Ложный вызов, управляйка не при делах, оживший сердечник -- типа ничего не было? Не нравлюсь я себе, не нравлюсь. Может, к психиатру, от греха подальше? Но если я псих, откуда сомнения? А может они так и мыслят? Но почему я думаю о том, как мыслят психи?»

Савелий застегивал ремень, когда открылась входная дверь. Сквозняк донес до него цветочный аромат. Марина вернулась.

Глава 8. Красные маки

Марина вошла в квартиру, держа в руках бумажный пакет с логотипом аптеки. Увидев Савелия, застёгивающего ремень, она замерла на пороге.

— Добрые соседи впустили в парадную... Куда-то уходишь?

— Твой отец... — начал Савелий и махнул рукой в сторону кухни, но Марина перебила его, подняв руку.

— Видела внизу, как его машина уезжает. Он тебя завербовал? — улыбка скользнула по ее губам.

Савелий рванул на кухню, но там уже никого не было. Лишь в пепельнице дымилась плохо погашенная папироса. Савелий, хлопая в недоумении глазами, вернулся в прихожую и забрал у Марины пакет. «Он точно был?» -- мелькнул в его сознании вопрос, -- «Ну, папиросы я сам точно не стал бы курить. Тем более их штук пять в пепельнице. Или стал? Нет, она же сказала, что видела его. Блин, что со мной?» -- мысли Савелия звучали тревожно, но не особо выбивались на фоне тех, что преследовали его последнее время. Марина ждала ответа, и он решил вести себя так, как будто все, что происходит – нормально.

— Скорее, предупредил. Хотя, лучше бы угрожал.

Марина вновь усмехнулась:

— Это их фирменный стиль. Для того, чтобы ты потом сам себя винил, если что пойдет не так.

Савелий взгляделся в ее лицо. Она показалась ему уставшей. Появились тени под глазами и напряжённая складка между бровями.

— Мариш, ты знала, чем он занимается?

— Догадывалась, — она пожала плечами. — В детстве мне говорили, что папа «работает на безопасность государства и всех нас». Потом поняла, что «государство» -- это слишком широкое понятие, а все «мы» никогда не будем в безопасности. А когда он ушёл в отставку, и должен был отойти от дел, ничего не кончилось. Только теперь отголоски прошлого я невольно слышала из обрывков его телефонных разговоров (у меня отличный слух). — Марина замолчала, подбирая слова. — Но я уже не хотела знать ничего. Иначе, был риск, что я пойду против него. Теперь, я сомневаюсь и в этом.

-- Он сказал, что беспокоится за нас, хочет помочь и боится, что мы расшибем лоб.

Марина с шумом выдохнула и закатила глаза.

-- Ну да, конечно. Что он еще сказал? Выкладывай!

Савелий пересказал ей все, не упустив пикантной подробности про родимое пятно и она, под конец истории, едва сдерживала смех.

-- А ну-ка, покажи задницу, -- задорные лучики брызнули вокруг ее глаз, а руки потянулись к пряжке ремня.

-- Маринка! Я серьезно! – Савелий вяло отбивался, но «проиграл» и они вновь очутились в кровати.

Волны нежности исказили пространство, и Савелий с головой провалился в его спасительную пропасть. Марина легко вошла с ним в резонанс и не отпускала ни на минуту. Они боялись открыть глаза, чтобы реальность не свалила их с достигнутой высоты и не оборвала невероятную, почти магическую связь. Все ужасы бытия отступили, и спрятались по углам, не осмеливаясь помешать священному действу. И лишь красные маки на покрывале затейливо переливались оттенками, тревожимые движением тел.

Старинные ходики на стене мерно отбивали секунды, город за окном суетился и шумел. Вещество Вселенной пылало, взрывалось, сжималось в черные дыры, сталкивалось, рассеивалось в пустоту, умирало и рождалось. А здесь, в питерской квартире, два ничтожных по мер-

кам Мироздания существа, дарили друг другу весь этот безумный мир, который для них и был создан. Иначе, нахрена и кому он нужен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.